

1

Коль я за Смертью не зашел,
Она пришла за мной...¹

Чарли Ашер ходил по земле, как муравей по воде: малейший неверный шаг — и его засосет в глубины. Благословенный воображением бета-самца, в жизни он по большей части вглядывался в будущее, дабы успеть засечь, каким манером мир сговаривается его прикончить. Его самого; Рейчел; а теперь и новорожденную Софи. Но, невзирая на всю внимательность, паранойю, беспрестанную суету с того дня, когда Рейчел выписала на тесте беременности синюю полоску, и заканчивая тем днем, когда Рейчел вкатили в послеродовую палату Больницы имени Св. Франциска, — Смерть все-таки вкралась.

— Она не дышит, — сказал Чарли.

— Отлично она дышит, — ответила Рейчел, поглаживая кроху по спинке. — Хочешь подержать?

¹ Парафраз 712-го стихотворения (1863, опубл. 1890) американской поэтессы Эмили Дикинсон (1830–1886), пер. Б. Лейви.

В тот день Чарли уже подержал младенца Софи несколько секунд — и поспешно вручил медсестре, заявив, что пальчики на руках и ногах должен считать более квалифицированный специалист. Сам он пересчитал дважды и оба раза дошел до двадцати одного.

— Все делают вид, будто ничего особенного не происходит. Мол, все будет прекрасно, если у ребенка минимум десять пальцев на руках и десять на ногах. А вдруг лишние? А? Неучтенка с пальчиками? Что, если у ребенка хвост?

(Чарли был уверен, что в шесть месяцев опознал хвост на сонограмме. Пуповина, щас! Распечатку он сохранил.)

— У нее нет хвоста, мистер Ашер, — терпеливо сказала сестра. — И пальцев десять и десять, мы всё проверили. Может, вам пойти домой отдохнуть?

— Я все равно ее люблю, даже с лишним пальчиком на руке.

— Она вся — нормальная.

— Или ноге.

— Мистер Ашер, мы правда знаем, что делаем. У вас красивая здоровая девочка.

— Или с хвостиком.

Медсестра вздохнула. Она была приземиста, широка в кости, и на правой икре у нее сквозь медсестринский чулок виднелась татуированная змея. По четыре часа каждый рабочий день медсестра массировала недоношенных, продев руки в отверстия люцитового инкубатора, как будто в нем помещалась радиоактивная искра. Медсестра с ними разговаривала, ласково их увещевала, рассказывала, какие они особенные, и чувствовала, как внутри у них трепещут сердечки не больше сверну-

той в комок пары спортивных носков. И плакала над каждым, и верила, что слезами своими и касанием переливает в их тельца капли своей жизни, — что вполне ее устраивало. Ей не жалко. Неонатальной медсестрой она работала уже двадцать лет и ни разу не повысила голос на свежего папашу.

— Черт бы вас подрал, нет у нее никакого хвостика, обалдуй! Ну сами посмотрите! — Медсестра отвернула одеяльце и нацелила попку младенца Софи на Чарли так, словно собиралась дать залп какашками оружейного класса такой мощи, что простодушному бета-самцу и не снилась.

Чарли отпрыгнул — вот вам поджарый и проворный тридцатник в чистом виде, — а затем, сообразив, что младенец не заряжен, огладил лацканы твидового пиджака жестом праведного негодования.

— Может, вы удалили его в родильном отделении, и мы так и не узнаем. — Сам-то наверняка он не знал. Из палаты его выдворяли сначала акушер-гинеколог, а под конец — сама Рейчел.

— Он или я, — произнесла она. — Кто-то из нас тут лишний.

В палате Чарли сказал Рейчел:

— Если ей удалили хвост, я хочу его забрать. Вдруг понадобится, когда она повзрослеет.

— Софи, твой папа вообще-то не спятил. Он просто пару дней не спал.

— Она смотрит на меня, — сказал Чарли. — Она смотрит на меня так, будто я на скачках спустил все деньги на колледж и перед тем, как пойти на физфак, ей придется идти на панель.

Рейчел взяла его за руку.

— Милый, я думаю, глаза у них так рано еще не фокусируются, а кроме того, ей рановато переживать, надо ли ей по пути на филфак заходить на панель.

— Физфак, — поправил Чарли. — В наши дни они взрослеют рано. К тому времени, как я разыщу ипподром, она может и вырасти. Господи, твои родители меня возненавидят.

— И что изменится?

— Другие поводы. Теперь я сделал их внучку шиксой.

— Она не шикса, Чарли. Мы это уже проходили. Она моя дочь, а потому — тоже еврей.

Чарли опустился на одно колено у кровати и двумя пальцами взял Софи за крохотную ручку.

— Прости папу, что сделал тебя шиксой. — Он поник головой, спрятав лицо в лощинке, где младенец смыкался с материнским боком. Рейчел провела ногтем по узкому лбу Чарли, очертив вдоль волос резкий разворот.

— Тебе надо поехать домой и выспаться.

Чарли пробормотал что-то в простыни. А когда поднял голову, в глазах его стояли слезы.

— Она теплая на ощупь.

— Она и есть теплая. Ей так положено. Она млекопитающая. Грудное вскармливание. Ты чего плачешь?

— Какие вы прекрасные, ребята. — Он разложил темные волосы Рейчел на подушке, одним длинным локоном обвил головку Софи и стал укладывать его в детский паричок. — И если волосы у нее не вырастут, это ничего. Была же такая сердитая лысая певица где-то в Ирландии — и ничего, симпатичная¹. Если у нас будет хвостик, можно с него пересадить.

1 Имеется в виду ирландская певица и автор песен Шинейд Мари Бернадетт О'Коннор (р. 1966); в конце 1980-х — начале 1990-х брила голову.

— Чарли! Иди домой!

— Твои родители скажут, что я во всем виноват. Что их лысая внучка шикса, на панели зарабатывает себе на физфак — и все из-за меня.

Рейчел схватила звонок с одеяла и воздела так, будто он подсоединен к бомбе.

— Чарли, если ты сейчас же не поедешь домой и не ляжешь спать, клянусь — я вызову сестру, и тебя отсюда вышвырнут.

Говорила она строго, но при этом улыбалась. Чарли нравилось смотреть, как она улыбается, — он всегда это любил: одновременно походило на одобрение и дозволение. Дозволение быть Чарли Ашером.

— Ладно, поеду. — Он пощупал ей лоб. — У тебя жар? Ты не устала, нет?

— Я только что родила, бабуин!

— Я просто беспокоюсь за тебя. — Он не был бабуином. Она упрекает его за хвостик Софи, потому и назвала бабуином, а не обалдуем, как все остальные.

— Миленький, езжай. Ну? А я немножко отдохну.

Чарли взбил подушки, проверил кувшин с водой, подоткнул одеяло, поцеловал Рейчел в лоб, поцеловал младенца в голову, взбил младенца, после чего стал поправлять цветы, присланные его матерью: лилию-звездочет вперед, подчеркнуть веточками бабьего ума...

— Чарли!

— Иду, иду. Господи. — В последний раз окинув палату взглядом, он попятился к двери. — Тебе привезти чего-нибудь из дому?

— Ничего не надо. По-моему, ты собрал весь комплект. Вообще-то, я думаю, огнетушитель мне уже не пригодится.

- Лучше перебдеть, чем недобдеть...
- Иди! Я отдохну, доктор проверит Софи, а утром мы увезем ее домой.
- Что-то быстро.
- Так принято.
- Нужен еще пропан для походной печки?
- Попробуем сэкономить.
- Но...

Рейчел замахнулась звонком так, будто последствия будут суровы, если ее требованиям не пойдут навстречу.

— Я тебя люблю, — сказала она.

— Я тоже тебя люблю, — ответил Чарли. — Вас обеих.

— Пока, папочка. — Кукловод Рейчел помахала ему ручонкой Софи.

К горлу Чарли подкатил комок. Никто раньше не звал его “папочкой” — даже куклы. (Он, правда, однажды за сексом осведомился у Рейчел: “Кто твой папочка?” — на что она ответила: “Сол Голдстин”, отчего на неделю Чарли стал импотентом и у него возникли разнообразные вопросы, задавать которые не очень хотелось.)

Чарли попятился из комнаты, ладонью прикрыл за собой дверь, затем направился по коридору и мимо стола, из-за которого неонатальная медсестра со змеей на ноге косвенно ему улыбнулась.

Чарли ездил на минифургоне-шестилетке, унаследованном от отца вместе с лавкой старья и зданием, где та располагалась. В минифургоне всегда пахло пылью, нафталином и пóтом, несмотря на целый лес благоухающих рождественских елочек, которые Чарли

развешивал по всем крючкам, ручкам и выступам в салоне. Он открыл дверцу, и его омыл аромат нежеланного — этим товаром и торгуют старьевщики.

Не успев даже вставить ключ в зажигание, Чарли заметил компакт-диск Сары Маклахлан¹ на пассажирском сиденье. Да, Рейчел его будет не хватать. Ее любимый диск — а она приходит в себя после родов без него; такого Чарли не потерпит. Он схватил диск, закрыл фургон и кинулся обратно в палату.

К его облегчению, медсестра покинула свой пост, а потому Чарли не пришлось выдерживать ее ледяной укоризненный взгляд — ну, во всяком случае, он рассчитывал на лед укоризны в этом взгляде. Мысленно подготавливал краткую речь о том, что хороший муж и отец предугадывает нужды и потребности жены, а это, в свою очередь, означает и доставку ей музыки... Ладно, речь пригодится и на обратном пути, если его окатят ледяной укоризной.

Дверь в палату он открыл медленно, чтобы не испугать жену. Он предвкушал ее теплую улыбку неодобрения, но Рейчел, судя по всему, спала — а у кровати ее стоял очень высокий черный человек, одетый в мятно-зеленое.

— Что вы тут делаете?

Человек в мятно-зеленом, вздрогнув, обернулся.

— Вы меня видите? — Он ткнул в свой шоколадного цвета галстук, и Чарли — всего лишь на секунду — вспомнил тоненькие мятные пастилки, которые кладут на подушки в тех отелях, что получше.

— Конечно, вижу. Что вы тут делаете?

1 Сара Энн Маклахлан (р. 1968) — канадская певица и автор песен, известна своими трогательными балладами.

Чарли подступил ближе к кровати Рейчел, поместив себя между незнакомцем и своей семьей. Младенца Софи черный дылда, похоже, заворожил.

— Это нехорошо, — сказал Мятный.

— Вы ошиблись палатой, — произнес Чарли. — Уходите отсюда. — Он потянулся назад и потрепал Рейчел по руке.

— Это очень и очень нехорошо.

— Сэр, моя жена пытается заснуть, а вы ошиблись палатой. Уйдите, пожалуйста, пока я...

— Она не спит, — сказал Мятный. Голос его был мягок и звучал немного по-южному. — Простите.

Чарли повернулся и посмотрел на Рейчел, рассчитывая увидеть ее улыбку, услышать, как она велит ему успокоиться, но глаза жены были закрыты, а голова скатилась с подушки.

— Милая? — Чарли выронил диск и бережно потряс жену. — Милая?

Младенец Софи заплакала. Чарли пощупал лоб Рейчел, взял ее за плечи и потряс сильнее.

— Милая, проснись. Рейчел. — Он приложил ухо к ее сердцу — и ничего не услышал. — Сестра! — Пошарил по постели и схватил звонок, выпавший на одеяло. — Сестра! — Он заколотил по кнопке, затем развернулся к человеку в мятно-зеленом. — Что здесь...

Тот исчез.

Чарли выбежал в коридор, но там никого не было.

— Сестра!

Через двадцать секунд явилась медсестра со змеей на ноге, а еще через тридцать — бригада реаниматоров со своей экстренной каталкой.

Медицина оказалась бессильна.